

Беседа с Ю.А. Давыдовым

Первый вице-президент АПМО Толчеев М.Н.

Юрий Алексеевич Давыдов дружен с моим папой. Он был первым руководителем и наставником в адвокатской профессии для него, когда отец адвокатствовал, и для моего брата, много лет проработавшего в Раменском филиале МОКА. Немалую роль он сыграл и в моей жизни. Я всегда знал, что после ежегодной конференции мы пойдем в ресторан, и это непреложная традиция, которой нельзя изменять, и Юрий Алексеевич будет вести свои неспешные рассказы о судейском прошлом, о прежних адвокатах, о смешных и забавных случайностях, происходивших в его профессиональной жизни и в жизни его коллег, о своих путешествиях с семьей на машине. Это всегда было забавно, интересно или грустно. Но никогда не оставляло равнодушным. Часто мы засиживались допоздна, и время летело незаметно.

Однажды он приехал в Палату, когда я был уже вице-президентом, и мы с ним и Юрием Михайловичем Боровковым пили чай. Разговор зашел о книге о ветеранах войны и о войне вообще. В начале войны Юрий Алексеевич был ребенком, но, по его словам, многое врезалось в память на уровне ощущений. В его рассказе нет пафоса. Нет героизма и нравоучений. Только ужас и страх. И основной рефрен: не дай Бог такому повториться!

Это очень большая история.

Деревня называется Кучино. Значит на границе Московской и Тверской областей, тогда Калининской, есть такое местечко - Князьи горы. Станция «Князьи горы». А наверху - старинное село Князьи горы. Вообще это, говорят, владение князей Шаховских.

И вот представьте себе, где-то это сентябрь, наверное, первые числа, или август. Думаю, август. Знаете, ночами всё время шла кавалерия через нас. Молчаливые, обвязанные, раненные. Шли кавалерийские полки. По-моему,

генерала Николаева. Останавливались, набирали в ведра воды, пили сами, поили лошадей. И молча, молча, все уходили.

41-й год. Первый месяц войны. Ну, и мы, конечно, дети, всё это было как-то знаете...И вот представьте себе, наверное, август еще был. Уже в августе немцы были здесь.

А может даже в июле. Я не знаю, но это был солнечный день. Слышу кричат: «Немцы, немцы, немцы». Наши женщины - одна соседка, вторая, третья - в платочках, фартучках, вот так стоят по три человека. Смотрим (меня бабушка закрыла в доме, но я стоял на подоконнике, мне было пять лет, и всё видел), едут 3 или 4 мотоцикла с коляской, пулеметы стоят и за ними автобусы с немцами. Въезжают, оста-наливаются. У нас дом был как раз где-то в середине деревни. Они оста-наливаются, выскакивают. Открывается этот автобус, и первое, что они начинают - ловить кур. А наши бабы не дают, кричат: «отдай!». Они их как начали бить их прикладами, сапогами. Наши женщины сразу все сели.

Немец подходит, а у нас был вот такой замок амбарный. Бабка меня закрыла. Он стал его сбивать прикладом, ни в какую не поддается. Я, конечно, тут же за ворота. Перепугался, страшно. Вот так я попал, так сказать, под немцев.

Перед тем, как появиться немцам, ходил военный в форме и говорил: «Ройте блиндажи, ройте траншеи для мирного населения».

Моя мать и ее сестра родная, дочери моей бабки, со своими детьми вместо того, чтобы на восток ехать, туда все вернулись и все мы попали под немцев. Выкопали большой довольно-таки блиндаж, досками выложили и в два или три наката положили сверху бревна. Бревна, солома, земля. Бревна, солома, земля. И получился такой внушительный. Но как в России у нас всегда бывает - эти делают, а остальные не делают. Ладно, обойдется. А когда всё началось, деревня переходила из рук в руки 12 раз. До самой зимы. Когда в декабре сюда

рванули, началось. И в этот блиндаж забилося столько народу, ну, как сельди в бочке, но не выгонишь же человека. И мы бы, дети, все погибли, если не расплакался мой брат. Почему? Потому что было холодно, декабрьские же морозы были, стали жечь лучину, и все дети, все мы, угорели, взрослые-то этого не замечали, двигались, а брат расплакался, и я очнулся - меня на выходе из блиндажа между ног за воротник держит бабушка и снегом вот так вытирает. А немцы за наш бугор поставили пулемет. И я слышу немец кричит: «Назад, назад!». Мы только через некоторое время выглядываем - немцы мертвые. И вдруг вбегают наши солдаты и тащат нам цинковый таз, полный гречневой кашей. Гречка была такая вот - в квадратах. Она была готова к употреблению, с жирами, со всем. Горячей водой заливаешь и всё. Я тогда не ел ничего вкусней. Сидели мы, сидели, наконец...А наши в деревне Малиновка... Надо уходить отсюда, всё сгорело, ничего нет. Там, где сгорело, картошку собирали полуобгоревшую.

Так и её уже нет. Стали выходить. Пошли. Мы шли так: я - своим ходом, брата везли на санках (ему три года было), бабушка и мама. Четверо, и тех четверо, но то ли после нас они шли, то ли до, я не знаю, не помню. Мы вышли, а немец отошел. Красная горка.

Нарыл траншеи и ему всё видно. Идем, ночь лунная, лунная. Ну, как на грех. Вышли, он нас стал обстреливать. Лежим мы и я слышу свист пуль. Ну, я думаю, они не очень хотели попасть, так, для остратки. Конечно, если б захотели... Видит, что идут женщины, дети. Кричит: «Zurück!» (назад). Немцы были разные. Знаете, на кого больше всего жаловались? На венгров и румын. Их в общем называли «мадьары». Они были ужасные.

Ходили к немецким офицерам и те их останавливали. Насколько было страшно - не скажу. Соседка рядом, молодая женщина, повесилась от ужаса. Вот что было. Вышли мы, идем. Выходим в лес, - как сейчас помню, мороз, наверное, градусов 25.

Дорога. И ветер качает деревья и потрескивает. Мы идем и выскакивает заяц. Немножко проходим и видим из снега сделан такой завальчик и наши ребята сидят в палатках белых, с винтовками.

Спрашивают: Там, что, стреляли?

Мы говорим: Нас обстреливали немцы.

Ну, вы шли тут дальше, нигде их не видели?

Да, нет, не видели.

У немцев был дозор, так же, как и наши сидели в дозоре. Поэтому немцы видели, как мы проходили, они нас могли перебить в мгновение, но тогда они выдали бы себя.

И наши, так сказать, молчат. Так вот и выбрались с линии фронта. Так страшно никогда в жизни не было. Никогда потом... знаете, что интересно. Вошли немецкие танки в деревню, а начались морозы. Они стали их запускать - не запускаются. И три танка остались. Потом пришли наши. Вот это наша неразбериха. Ну, зашли, захватили, ну, посмотрите, что с танками. Ну, сожгите их, наконец, гранатами забросайте. Ничего подобного.

А как началась оттепель, приползли немецкие танкисты, залезли в эти танки (один танк остался). И танк заработал и пошел. Я стоял на улице, вижу, как наши бегут туда по полю. Для детей это уже было вроде как нормальное явление. Он подошел вот так вплотную, сени деревенские сдвинул и как начал в упор косить из пулемета. Смотрю, значит, останавливается (наши танки были окрашены в белый цвет) башня — в мою сторону и как выбьет прямо в башню. Вот такая дыра была в башне, и все, кто были там, они все сгорели. Этот танк стоял на Оке, наверное, почти до 60-х годов. Так и стоял, его никак не могли утащить. Сколько там было бронетехники! Причем, у немцев была каучуковая резина, надувная, и мы берем нож, вырежем и получались такие мечи прекрасные. Мы играли этими мечами.

До весны 42-го года мы находились там. А вообще мы жили в Малаховке. Мы поехали в Малаховку с мамой (значит мать и двое детей). Я помню был скандал. Бабушку не пускали, потому что она была прописана там, а мы прописаны в Малаховке. Нас пускали, а её нет. Ну, там уговаривали, были слёзы и прочее, прочее. Потом приехали в Малаховку - у нас ничего: ни карточек, ни хлеба, ни картошки.

Разграблено же всё. И в первое время, если щи варились с крапивой, то это была хорошая еда. Самое отвратительное я пробовал с лебедой, меня сразу стошнило.

Были уже 70-е годы, мы с мамой пошли за грибами, идем, смотрим - столбик обтянут колючей проволокой. Видимо, ставили мины, ногой цепляются и сразу взрываются.

И дальше - крест поваленный и в траве лежит фашистская каска. Той стороной, которой она лежала на траве, она проржавела, всё остальное - ну, как будто, вчера было покрашено. Я поднял эту каску, перевернул её, смотрю написана фамилия карандашом - Вайнбенер. До сих пор помню фамилию. Каску я привез и отдал в школу - в самодеятельность. Рядом ель и в ель воткнут наш трехгранный штык, так вниз. И вот та часть, которая была в стволе, и наружная часть сохранились, а вот место как раз входа в дерево - поржавело, там прям в нитку осталось, я выдернул - едва не сломался. Это была целая трагедия: и штык торчал, и немец похоронен.

Это были страшные бои за Ржев. А сейчас выясняется - немцы использовали там наши оборонительные сооружения, которые строились перед войной, наши же все сбежали и все оставили им. И оказывается, оставили небольшой заслон, а остальные силы все убили.

Вели наших ребят пленных. Зима была очень снежная. Немцы на сани, на дровни ставили машины BMW, впрягали в лошади и мирное население заставляли тащить.

К нам вели наших пленных солдат. Наши идут без шинелей, некоторые босиком. Ужас.

Немец идет: бабий платок шерстяной, каска, автомат и в руках палка с гвоздями. Наши подбегают - они бьют беспощадно.

И вот бабушка меня вытаскивает, дает мне горячий картофель, толкает - подбеги и брось (ну, ребёнка, вроде, не тронут). Я, конечно, это делаю, но от ужаса ничего не вижу. Я подбегаю, бросаю и назад, она меня сразу обхватывает. И вот так бросал картошку.

После войны я лет десять не мог прийти в себя от того ужаса, который я пережил. Это было ужасно. Упаси Бог.

Правильно Михаил Александрович Гофштейн сказал, что ему в свое время отец написал в письме: «Ни в коем случае не сдавайся!».

Я вот не дорассказал. Перед деревней засыпало снегом и торчит головой в снег молодой немец. Как сейчас помню, в голубых трикотажных кальсонах. И никто не обращал внимания - это нормальное явление. Сейчас я думаю, ну, были у него родители, может братья, не сам он хотел этой войны.

В Тверской области есть село, по-моему, Александрово называется. Там были очень большие бои с немцами, а до этого, по преданию, на этом поле была стычка кавалерии Мюрата с нашими казаками. Шесть тысяч казаков они убили, потому что у Мюрата была тяжелая кавалерия.

Сейчас там сделан небольшой мемориал из кирпича в форме храмов и колокол весит, и вот так как крылья каски стоят наши, наши слабые каски. Ни одной каски я не видел, чтобы не пробита, не поломана. Там всё изуродовано.

До прошлого года мы в июле ездили под Можайск. Там база МГУ. И там, кстати, в одном из зданий в подвале на стене чугунная доска и на ней написано, что в подвале этого здания находился штаб Жукова.

Там, где были бои с Наполеоном, были и страшные бои с немцами. Там все время спуски и подъемы. Жуков приказал зенитную артиллерию поставить на дороге и прямой наводкой бить танки. Танк же когда вниз спускается, у него ствол не поднимается. Он становится беспомощным. И вот когда они выходили - их расстреливали. Вообще мудрый был руководитель.